

Прошло 60 лет с тех пор, как умер Джордж Гершвин. «Я двигаюсь в ритме...» — пела героиня его мюзикла «Сумасшедшая девчонка». Так мог бы спеть о себе он сам. Основоложник американской классической музыки, автор первой национальной оперы «Порги и Бесс» — слишком молодой, чтобы стать патриархом, слишком живой, чтобы увязнуть в академизме и слишком любознательный, чтобы ограничиваться высоким искусством. Европа его отвергла как ученика (в Париже он пробовался в класс Нади Буланже), но впоследствии с восторгом приняла как художника. Гершвин начинал как пианист в музыкальном магазине. Под влиянием знакомства с Полем Уайтманом — руководителем знаменитого джаз-оркестра — он ввел джазовые интонации в сферу серьезной музыки...

План оперы по пьесе Дюбоза Хейварда «Порги» заставил его распрощаться на год с Нью-Йорком и отправиться на Юг в рыбацкую деревушку, где он и присмотрел своего героя-инвалида. Его единственную оперу населяют персонажи, которые живут и в его мюзиклах, и в его песнях — Спортин-Лайф, Клара, Бесс и другие. До Гершвина они прятались в труппах, где-то работали, где-то слонялись, как могли добивались счастья. Гершвин сделал их героями бродвейских ревию и мюзиклов: «Ла, ла, Люсиль!», «Забавная мордашка», «О'кей», «Пусть они едят кекс». В 1945 году режиссер Эрвинг Рэппер впервые опробовал прием *biopic*, используя в качестве сценарной основы биографию Джорджа Гершвина. Фильм назывался «Рансодия в стиле блюз». А еще через тридцать четыре года Вуди Аллен вернул песни Гершвина в Нью-Йорк, только теперь они носятся над головами влюбленных героев «Манхэттена» — наша любовь здесь... «Наша любовь останется здесь» — называлась последняя песня Джорджа Гершвина.